

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

ЧАСТЬ 2 ЭПИЛОГ

Раскольников сидел, смотрел неподвижно, не отрываясь; мысль его переходила в грезы, в созерцание; он ни о чем не думал, но какая-то тоска волновала его и мучила.

Вдруг подле него очутилась Соня. Она подошла едва слышно и села с ним рядом. Было еще очень рано, утренний холодок еще не смягчился. На ней был ее бедный, старый бурнус и зеленый платок. Лицо ее еще носило признаки болезни, похудело, побледнело, осунулось. Она приветливо и радостно улыбнулась ему, но, по обыкновению, робко протянула ему свою руку.

Она всегда протягивала ему свою руку робко, иногда даже не подавала совсем, как бы боялась, что он оттолкнет ее. Он всегда как бы с отвращением брал ее руку, всегда точно с досадой встречал ее, иногда упорно молчал во всё время ее посещения. Случалось, что она трепетала его и уходила в глубокой скорби. Но теперь их руки не разнимались; он мельком и быстро взглянул на нее, ничего не выговорил и опустил свои глаза в землю. Они были одни, их никто не видел. Конвойный на ту пору отворотился.

Как это случилось, он и сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам. Он плакал и обнимал ее колени. В первое мгновение она ужасно испугалась, и всё лицо ее помертвело. Она вскочила с места и, задрожав, смотрела на него. Но тотчас же, в тот же миг она всё поняла. В глазах ее засветилось бесконечное счастье; она поняла, и для нее уже не было сомнения, что он любит, бесконечно любит ее и что настала же наконец эта минута...

Они хотели было говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого.

Они положили ждать и терпеть. Им оставалось еще семь лет; а до тех пор столько нестерпимой муки и столько бесконечного счастья! Но он воскрес, и он знал это, чувствовал вполне всем обновившимся существом своим, а она — она ведь и жила только одною его жизнью!

Вечером того же дня, когда уже заперли казармы, Раскольников лежал на нарах и думал о ней. В этот день ему даже показалось, что как будто все каторжные, бывшие враги его, уже глядели на него иначе. Он даже сам заговаривал с ними, и ему отвечали ласково. Он припомнил теперь это, но ведь так и должно было быть: разве не должно теперь все измениться?

Он думал об ней. Он вспомнил, как он постоянно ее мучил и терзал ее сердце; вспомнил ее бледное, худенькое личико, но его почти и не мучили теперь эти воспоминания: он знал, какую бесконечную любовью испулит он теперь все ее страдания.

Да и что такое эти все, все муки прошлого! Всё, даже преступление его, даже приговор и ссылка, казались ему теперь, в первом порыве, каким-то внешним, странным, как бы даже и не с ним случившимся фактом. Он, впрочем, не мог в этот вечер долго и постоянно о чем-нибудь думать, сосредоточиться на чем-нибудь мыслью; да он ничего бы и не разрешил теперь сознательно; он только чувствовал. Вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое.

Под подушкой его лежало Евангелие. Он взял его машинально. Эта книга принадлежала ей, была та самая, из которой она читала ему о воскресении Лазаря. В начале каторги он думал, что она замучит его религией, будет заговаривать о Евангелии и навязывать ему книги. Но, к величайшему его удивлению, она ни разу не заговаривала об этом, ни разу даже не предложила ему Евангелия. Он сам попросил его у ней незадолго до своей болезни, и она молча принесла ему книгу. До сих пор он ее и не раскрывал.

Он не раскрыл ее и теперь, но одна мысль промелькнула в нем: «Разве могут ее убеждения не быть теперь и моими убеждениями? Ее чувства, ее стремления, по крайней мере...»

Она тоже весь этот день была в волнении, а в ночь даже опять захворала. Но она была до того счастлива, что почти испугалась своего счастья. Семь лет, только семь лет! В начале своего счастья, в иные мгновения, они оба готовы были смотреть на эти семь лет, как на семь дней. Он даже и не знал того, что новая жизнь не даром же ему достается, что ее надо еще дорого купить, заплатить за нее великим, будущим подвигом...

Но тут уж начинается новая история, история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с новой, доселе совершенно неведомою действительностью. Это могло бы составить тему нового рассказа, — но теперешний рассказ наш окончен.

Raskòl'nikov sedeva, guardava senza muoversi, senza staccare lo sguardo; il suo pensiero passava dalle fantasticherie alla pura contemplazione; non pensava a nulla, ma

una sorta di angoscia l'agitava e lo tormentava.

All'improvviso accanto a lui apparve Sonja. Gli si accostò con passo appena udibile e gli sedette accanto.

Era ancora molto presto, la frescura mattutina non s'era ancora smorzata, Sonja indossava la sua vecchia

e povera mantellina e lo scialle verde. Il suo volto portava i segni della malattia, era smagrito, pallido

ed emaciato. Gli sorrideva con affetto e con gioia, e, secondo la sua abitudine,

gli porse timidamente la mano.

Gli protendeva sempre timidamente la mano, a volte persino non gliela porgeva, come se temesse che egli

potesse respingerla. Lui le prendeva sempre la mano con una sorta di repulsione, in genere la accoglieva sempre

con stizza, alle volte taceva ostinatamente per tutta la durata del loro incontro.

Capitava che Sonja tremasse dinanzi a lui, e se ne andasse profondamente afflitta. Ma adesso le loro mani non si

disgiunsero; egli le lanciò un'occhiata rapida e di sfuggita, non disse nulla e abbassò gli occhi a terra. Erano soli,

nessuno li vedeva. In quel momento la guardia di scorta si era voltata.

Come accadde, lui stesso non lo sapeva, ma all'improvviso fu come se qualcosa l'avesse afferrato e buttato ai piedi di lei. Piangeva e

le abbracciava le ginocchia. In un primo istante Sonja si spaventò terribilmente, e il suo volto divenne mortalmente pallido.

Balzò in piedi e, tremando, lo guardò. ma subito, in quello stesso istante, comprese ogni cosa.

Nei suoi occhi risplendeva una sconfinata felicità; aveva capito, e per lei ormai non c'era più

dubbio alcuno, che lui l'amava, l'amava sconfinatamente, e che finalmente era giunto il momento...

Volevano parlare, ma non riuscivano. Avevano le lacrime agli occhi. Entrambi erano pallidi e magri; ma in quei volti pallidi

e malati gli splendeva l'alba di una rinnovata, futura e completa resurrezione in una nuova vita. Li faceva risorgere

l'amore, il cuore di ognuno di loro racchiudeva infinite fonti di vita per il cuore dell'altro.

Decisero di aspettare e di pazientare. Avevano ancora davanti sette anni; e, fino a quel momento, quanto intollerabile

tormento e quanta sconfinata felicità! ma lui era risorto, e lo sapeva, sentiva pienamente con tutto il suo essere

rinnovato, e lei, lei viveva soltanto della vita di lui!

la sera di quello stesso giorno, quando avevano già chiuso i dormitori, Raskòl'nikov stava disteso sulla sua branda e pensava a lei. Quel giorno gli era persino sembrato che tutti i forzati, che fino a quel momento gli erano stati ostili, lo guardassero ormai in modo diverso. Era stato persino lui ad attaccar discorso con loro, e quelli gli avevano risposto affabilmente. Adesso se ne ricordò, ma era dunque così che doveva essere: non doveva forse cambiare tutto quanto, adesso? pensava a lei. Ricordò come l'aveva costantemente tormentata e fatta soffrire: ricordò il suo visetto pallido, smagrito, ma adesso questo ricordo quasi non gli diede dolore: sapeva con quale amore sconfinato avrebbe ripagato tutte le sofferenze di lei.

E cos'erano poi tutte, tutte le sofferenze del passato! Tutto, persino il suo delitto, persino la condanna e la deportazione adesso gli sembravano, in quel primo impulso, una sorta di evento esteriore, strano, quasi che non fosse nemmeno capitato a lui. D'altronde quella sera non poté pensare a lungo con costanza a qualcosa, non riuscì a concentrare il pensiero su un punto preciso; non sarebbe stato nemmeno in grado di risolvere qualcosa consapevolmente; poteva solo sentire. Al posto della dialettica si stava facendo avanti la vita, e nella coscienza si stava elaborando qualcosa di completamente diverso.

Sotto il cuscino era riposto il Vangelo. Lo prese macchinalmente. Quel libro apparteneva a lei, era lo stesso dal quale gli aveva letto della resurrezione di Lazzaro. All'inizio della galera sui aveva pensato che lei l'avrebbe afflitto con la religione che avrebbe parlato del Vangelo e gli avrebbe accollato dei libri da leggere. Ma, con suo grandissimo stupore, lei non ne aveva parlato nemmeno una volta, nemmeno una volta gli aveva offerto il Vangelo.

Era stato lui stesso a chiederglielo poco tempo prima della sua malattia, e lei gli aveva portato il libro in silenzio. Fino a quel momento Raskòl'nikov non l'aveva nemmeno aperto.

Non lo aprì nemmeno adesso, ma un pensiero gli passò per la testa: "E' forse possibile che adesso le sue convinzioni non siano anche le mie? Perlomeno i suoi sentimenti, le sue aspirazioni...".

Anche lei per tutta quella giornata fu molto agitata, e la notte s'ammalò nuovamente. Ma era a tal punto felice che quasi

aveva paura della propria felicità. Sette anni, soltanto sette anni! All'inizio della loro felicità, in quei primi momenti, erano entrambi pronti a considerare quei sette anni come sette giorni. Egli nemmeno sapeva che questa nuova vita non gli veniva data così, senza pagar nulla in cambio, ma che bisognava ancora comprarla

a caro prezzo, pagarla con grande impresa futura...

Ma a questo punto ha ormai inizio una nuova storia, la storia del graduale rinnovamento dell'uomo, la storia della sua graduale rigenerazione, del graduale passaggio da un mondo all'altro, dell'incontro con una realtà nuova, fino a quel momento completamente sconosciuta.

Questo potrebbe costituire l'argomento di un nuovo racconto, ma intanto il nostro è finito